



НАС АГИТИРУЮТ

Плавание на волнах идеологии

Начинается двухлетие подготовки к выборам. Для политологов – рабочая страда, для тех, кто хочет жить в России, руководствуясь вечными, стратегическими интересами, – совсем не частушечное страданье. Школа, разумеется, ориентируется не на однодневную политическую конъюнктуру. Поэтому именно сейчас, в пору громогласных и легковесных обещаний, когда «промывка мозгов», по законам массовой культуры, будет особенно навязчивой и изощрённой, впору обратиться к вечным архетипам отечественной истории, которая помогает не утонуть в кисло-сладкой информационной каше.



Арсений
Замостьянов

Демократические процедуры, как мода, приходят и уходят, оставляя бумажный мусор, а нередко — и выжав масло из общества. И не нужно превращать выборы парламента и президента с их суетливой саморекламой и войнами компроматов в критерий развития страны.

Школьная идеология не может быть остро злободневной. Учебные книги с портретами мэров и губернаторов, с посланиями политиков, рассчитанными на внимание избирателей-родителей, — это уродливая форма агитации. Ценности «мира знаний» выше выборной суеты, хотя и находиться в футляре, отрывать от современности учителю никак нельзя.

Тенденции нашего времени точнее всего выражаются в информационных технологиях, в подаче идеологического материала. Но дух времени формирует и культура, в особенности — массовая, повсеместно пришедшая на смену фольклору. Много копий ломается ныне вокруг массовой культуры — каждый меряет на свой аршин. И это закономерно. Одним хотелось бы сберечь в человеке божественное начало, но в условиях прессинга коммерческой культуры это стремление воспринимается как тщетное донкихотство. Другие руководствуются конъюнктурой, которая гласит: «Чем пошлее, тем башлее». Чтобы обогащаться на человеческих слабостях и пороках — нужно с индустриальным размахом соблазнять, порабощать, вербовать. Нужно приучать к стандартам моды, чтобы обыватель уже никогда не сумел отказаться от этой гонки за низменными удовольствиями. Между тем, сама массовая культура — явление необходимое, органически присущее



обществу. Она пришла на смену фольклору после индустриальных революций, когда горожан стало больше, чем крестьян, а радио (теперь — и телевидение, и Интернет) разговаривало с детьми чаще, чем занятые на службе бабушки... О некоторых аспектах информационной круговерти мы и поведём речь, не забывая и об исторических примерах.

Судьба богоборца

Всё громче споры о роли церкви в современной идеологии — в первую голову вспоминается шумная дискуссия о «православных» школьных дисциплинах. Государство сделало несколько ощутимых реверансов в сторону церкви — и космополитически настроенную интеллигенцию это напугало. Многие фрондёры прошлых лет, упрекавшие советскую власть в воинствующем атеизме, нынче с тем же рвением нападают на Русскую православную церковь. Наверное, сам процесс фрондёрства в таких случаях важнее предмета и результата.

Между тем, в XX веке государственная пропаганда и церковь не раз скрещивали мечи. Есть в этой истории очень поучительные эпизоды.

Перед революцией и во время Гражданской войны наиболее влиятельным мастером художественной пропаганды был, пожалуй, Демьян Бедный. Роковую роль в его судьбе сыграли сложные отношения с церковью, с верой. «Крестьянин села Губовки Херсонской губернии Александровского уезда» до семи лет жил в Елисаветграде, где его отец служил церковным сторожем. Позже он жил вместе с любимым дедом Софроном и ненавистной матерью. Отношения в этом треугольнике — раздолье для любителей психоанализа. «Мать держала меня в чёрном теле и была смертным боем. Под конец я стал помышлять о бегстве из дому и упивался церковно-монашеской книгой «Путь ко спасению», — вспоминал поэт, ставший маститым советским литературным командармом. В этом коротком мемуаре всё интересно — и озлобленность нелюбимого сына, и нежность к деду, всю жизнь позволявшая честолюбивому Демьяну всё-таки любить свой народ. И первые впечатления души «около церковных стен» — и в Елисаветграде, и в Губовке. Атеистический марксизм был для молодого Ефима Придворова по-настоящему революционным учением, ради которого нужно отречься от прошлого, от всего самого заветного, что в нём было, кроме, пожалуй, любви к простонародью, к «деду Софрону». Потом была школа военных фельдшеро́в, в которой модный марксизм хорошо ложился на юношеское недовольство армейской дисциплиной и другими проявлениями самовластья.

Впрочем, в те годы будущий Демьян сохранял благонамеченность. Сам великий князь Константин Константинович (поэт и куратор военно-учебных заведений) позволил способному юноше экстерном сдать гимназические экзамены для поступления на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского

университета. Позже поэт будет поддерживать слухи о том, что «придворную» фамилию ему дал великий князь как своему бастарду.

В университете Ефим Придворов и стал марксистом, а стихи сочинял в не-красовском гражданственном ключе. С годами убеждения становились всё радикальнее. В 1911-м он уже печатается в большевистской «Звезде», и первое же стихотворение так полюбилось левой молодёжи, что его название — «О Демьяне Бедном, мужике вредном» — дало поэту литературное имя, псевдоним, быстро ставший знаменитым. Для «Звезды», «Невской звезды», «Правды» этот искренний, едкий автор «из народа» был находкой. А в 1914 году в остроумной газетной поэтической подённости мелькнуло поразительное четверостишие:

На фабрике — отравы,
На улице — расправа.
И тут свинец, и там свинец...
Один конец!

И тут уж дело не в том, что поэт ловко связал гибель рабочего завода «Вулкан», которого на демонстрации застрелил городской, с фабричными отравлениями свинцом. В этом лаконичном стихотворении есть поэтическое вещество, выделяющее его из прочей стихотворной публицистики. К чести Демьяна, и в 1931-м на встрече с молодыми писателями он признал это давнее стихотворение своей крупнейшей удачей.

С первых дней революции Демьян атакует святыни старого мира — и прежде всего православие. Он то и дело выставляет карикатурные образы священников («У батюшки Ипата водились деньжата»), но этого ему мало. Демьян даже Пушкина берёт в союзники в своём стихотворном предисловии к «Гавриилиаде», недвусмысленно заявляя: «Он подходил с насмешкой к алтарю». Такой воинствующий безбожник был находкой для пропагандистов: не иноверец, не инородец, пролетарий



крестьянского происхождения, несомненный представитель большинства.

Ёрнический «Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна», в котором поэт попытался частушкой переосмыслить величайшие откровения человечества, вызывал раздражение даже на фоне истерической антирелигиозной пропаганды в духе Емельяна Ярославского. Об этом мы можем судить хотя бы по роману Булгакова, в котором демьяновы черты угадываются в суждениях как Берлиоза, так и Ивана Бездомного. Казалось, что в Демьяна вселился бес, с таким остервенением он плевал в и так уже поверженные иконы. И этот бес искорёжил не только стихи, но и судьбу Бедного. Читайте «Мастера и Маргариту» — нужно сказать, что Булгаков в диалоге Берлиоза и Бездомного даже несколько облагородил рассуждения Демьяна.

Демьян Бедный с великой силой тщеславия страстно желал остаться в истории богоборцем номер один. Для этого он зарифмовал сюжеты Писания, искусственно опуская стиль до «телесного низа». Получился абсурдный рассказ про алкоголиков, мошенников и волокит с библейскими именами... У Демьяна находились благодарные читатели, принимавшие этот океан ёрничества, но эту поэму стеснялись переиздавать даже в годы новых антирелигиозных кампаний.

Он перешёл границу легко, в опьянении свободы. И, конечно, ничего, кроме глумливых шуточек, из этой затеи не вышло. Да и могло ли выйти путное из кошунства? Такие стихи, напечатанные и растиражированные, жестоко оскорбляли сотни тысяч верующих граждан Советской России. Вряд ли Демьян тогда задумывался о последствиях такого раскола.

Первый серьёзный конфликт Демьяна с патриотами-государственниками в ВКПб грянул в 1930-м. Два стихотворения — «Слезай с печки» и «Без посуды» — положили начало суровой политической дискуссии. Рапповцы, и прежде всего неистовый ревнитель революционного искусства Л.Л. Авербах,

встретили эти публикации с восторгом: «Первый и неутомимый ударник, — поэт пролетариата Демьян Бедный — подаёт свой мощный голос, клич пламенного сердца. Демьян Бедный воплотил призывы партии в поэтические образы». Авербах призывал к окончательному «одемяниванию литературы».

И вдруг... в декабре ЦК принимает резолюцию, осуждавшую демьяновы фельетоны. Поначалу резолюцию связывали с именем Молотова, и Бедный решился принять бой, написал полемическое письмо Сталину. Очень быстро он получил отрезвляющий ответ: «Когда ЦК оказался вынужденным подвергнуть критике Ваши ошибки, Вы вдруг зафыркали и стали кричать о «петле». На каком основании? Может быть, ЦК не имеет права критиковать Ваши ошибки? Может быть, решение ЦК не обязательно для Вас? Может быть, Ваши стихотворения выше всякой критики? Не находите ли, что Вы заразились некоторой неприятной болезнью, называемой «зазнайством»? Побольше скромности, товарищ Демьян... Революционные рабочие всех стран единодушно рукоплещут советскому рабочему классу и, прежде всего, **русскому** рабочему классу, авангарду советских рабочих, как признанному своему вождю, проводящему самую революционную и самую активную политику, какую когда-либо мечтали проводить пролетарии других стран. А Вы? Вместо того, чтобы осмыслить этот величайший в истории революции процесс и подняться на высоту задач певца передового пролетариата, ушли куда-то в лошину и, запутавшись между скучнейшими цитатами из сочинений Карамзина и не менее скучными изречениями из «Домостроя», стали возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения, что нынешняя Россия представляет сплошную «Перерву», что «лень» и стремление «сидеть на печке» является чуть ли не национальной чертой русских вообще, а значит и — русских рабочих, которые, проделав Октябрьскую революцию, конечно, не перестали быть русскими. И это называется у Вас большевистской критикой! Нет, высокочтимый т. Демьян, это не большевистская критика, а **клевета** на наш народ, **развенчание СССР, развенчание** пролетариата СССР, **развенчание** русского пролетариата».

Эти слова Сталина закрепили переход от революционной реальности к государственной, а через шесть лет следующий конфликт, связанный с Демьяном, ознаменует начало патриотической, имперской идеологии. Демьян каялся, выступая перед молодыми писателями: «У меня по линии сатирического нажима на дооктябрьское «былое» были свои прорухи, выразившиеся в огульном охаивании России и русского и в объявлении «лени» и склонности к «сидению на печке» чуть ли не национальной чертой». Да, на ехидном глумлении над национальным характером государства не построишь. В Кремле это понимали.

После 1930-го он много и зло писал о троцкистах (начал ещё в 1925-м — «Троцкий гарцует на старом коньке, блистая измятым оперением...»), но «левацкий» уклон нет-нет, да и про-



скакивал. Новый конфуз был пуще прежнего, и последствия для всей советской культуры оказались колоссальными.

Демьян написал фарс о Крещении Руси, да ещё и окарикатурил былинных богатырей... Комическую оперу «Богатыри» поставил в московском Камерном театре А.Я. Таиров. «Левые» критики были в восторге: многие из них сгинут в дни ближайших «чисток». Молотов же ушёл со спектакля в возмущении — постановление ЦК «О пьесе «Богатыри» Демьяна Бедного» стало стартом масштабной кампании по восстановлению имперской культуры и «освоению классического наследия». Постановление гласило, что Крещение Руси было прогрессивным процессом и недопустимо утверждать советский патриотизм издёвками над родной историей. «Первый раз прощается, второй — запрещается». За «Богатырей» через год-другой Демьяна исключили из ВКПб и из Союза писателей. «Меня преследуют потому, что на мне ореол Октябрьской революции», — говорил он в кругу близких, и эти слова в распечатанной «прослушке» были переданы Сталину. Так 70 лет назад сопутствовавший революции авангардный радикализм отсекали: отныне в культуре правила бал Академия, воспитывавшая консервативно почтительное отношение к государству и семейным ценностям. Глинка, Пушкин, Суворов, Минин и Пожарский, Александр Невский не просто вернулись в государственные святы — о них слагали стихи и снимали кинофильмы.

Демьяна выгнали из партии: посмертно восстановит его только Хрущёв, во время новой антирелигиозной кампании. Этот разговор о Демьяне я затеял не из историко-литературных интересов. Пятнадцать лет назад мы пережили пусть не великую и не октябрьскую, но революцию. И многое перевернули с ног на голову. Перегибы первых пореформенных лет отличались от практики военного коммунизма, но абсурдностью, пожалуй, не уступали его худшим проявлениям. Если бы мы сохранили динамику начала девяностых, боюсь, захлебнулись бы в самобичевании и порнографии. И всё-таки инстинкт самосохранения культуры сработал, и Демьяны времён «большого хапка» оказались не у дел либо были вынуждены в который раз перестроиться...

Образ девяностых

Мы много и, пожалуй, справедливо браним телевидение, и всё-таки, именно благодаря ему, а ещё возможностям видеозаписи новым мифотворцам будет нелегко сконструировать привлекательный образ девяностых. Даже если при монтаже и в комментариях журналист умело манипулирует материалом, мы можем «подглядеть» суть, всматриваясь в картинку.

Интересно представил дух того времени публицист Егор Холмогоров. Позволю себе угостить читателя длинной цитатой: «Мир 90-х имел свою смысловую и иерархическую законченность. Внизу этого мира были трудяги, несчастные «лохи», которые честно, не покладая рук трудились по несколько десятков

лет, чтобы выстроить разворованную в одночасье страну. А при Большой Краже ничего не поимели. В середине были бизнесмены, политики, президенты — всякие деловые да конкретные. Богатые, но слишком скучные, слишком неяркие, чтобы считаться подлинными хозяевами жизни. И, наконец, наверху, — те, кто действительно жил, по настоящему с размахом и вкусом жил в 90-е — бандиты в малиновых пиджаках, с перстнями и «мааабиллами», дорогие шлюхи в дешёвых мехах и «звёзды». Звёзды шоу-бизнеса, те, кто действительно добился в этом дивном мире всего, мог всё, и был объектом самых истомлённых желаний «населения».

И на самом веру, источая смех пополам с приторным потным ароматом пребывала звёздная пара Алла и Филипп. Богиня и бог этого звёздного мира. Их брак в 1994 году, исполненный дешёвого пополам с кощунством шика, как бы открывал символически эру малинового гламура, возросшего на костях мучеников октября 1993-го. Те умерли, чтобы этим жить и праздновать. Все поражались фальшивости, неискренности, ненастоящести этого действия. Всех тошнило от его вульгарности. Без чувства стыда многие не могли смотреть на киркоровских розовых «заек» и «пусек». Но убеждались вновь и вновь ещё раз в том, что именно в этой апокалиптической пошлости и есть настоящая «правда жизни», «правда времени» 90-х».

Трудно вживаться в эпоху перемен и революций людям консервативной, охранительной, да и просто созидательной ориентации. Собирателям. Шумный, вульгарный карнавал несовместим с серьёзной учёбой, с подготовкой к творческим и, говоря высоким стилем, трудовым свершениям. Ведь стилем времени стала эйфория пополам с тревогой — климат нервный и неплодотворный. Нам предстоит наблюдать попытки романтизации той эпохи: кое-кому это выгодно, а мастера социологической акварели не заставят себя ждать.



Среди журналистов и политических комментаторов (и только среди них!) сложился клуб «Кому за тридцать», — людей, ностальгирующих по Ельцину и свободным девяностым. Если взглянуть в биографию такого любителя, то в ней обязательно найдётся упоминание об участии в кампании 1996 года, когда недееспособного президента переизбирали не мытьём, так катаньем.

Вот учёные, специализирующиеся на военной аналитике — Храмчихин и Шаравин. Первому очень нравятся военные операции ельцинского времени: Абхазия, Чечня, Приштина. Много крови (в первых двух случаях), никаких капиталовложений в армию — зато какие перспективы для политиков и бизнеса! Второй запомнился заявлением: «Сегодня увеличивать или укреплять ядерный щит страны не имеет смысла. Это в большей степени лозунг: нам не от кого этим щитом загоразиваться. Мы ведь заявляем, что США и НАТО для нас партнёры. И мы понимаем, что никакого ядерного нападения с их стороны на нас быть не может». Не слишком-то убедительное оправдание деградации.

Есть такой институт — ИПВА. Их много открылось в девяностые, институты демагогии и мониторинга вместо технических НИИ. Горлопаны и пистолеты вместо учёных и ракет. И если таким было уютно в «девяностые», нам ту эпоху уже и критиковать не с руки: не бей лежачего. Александр Храмчихин провозгласил лозунг «Верните дедушку!» — и в нескольких статьях набросал эскиз мифа о сильной, независимой, динамично развивающейся ельцинской России. Лыком в строку пошла и хмельная словесная атака на Клинтона, которую позволил себе Ельцин на закате правления: *«Вчера американский президент позволил себе надавить на Россию. Он, видимо... забыл, что такое Россия, что Россия владеет полным арсеналом ядерного оружия...»*. И учения «Запад-99», показавшие армейский размах почти советских масштабов. А ведь аналитику отлич-

но известно, каким был и как исполнялся в те годы военный бюджет, и все мнимые и действительные успехи армии, науки и техники девяностых можно без преувеличения объяснить затынувшимся «проеданием» мощного потенциала, наработанного маршалами Устиновым и Огарковым, а также адмиралом Горшковым четверть века назад.

Когда сегодня Президент России принялся гладить против шерсти мировое сообщество, в американской прессе ему припомнили многое. Но особенно хлётко прозвучали обвинения в гипертрофированной жестокости армейских операций в Чечне: «Трудно превзойти то, что наделали ваши люди в Чечне. «Во время зачисток я убивал всех мужчин, — рассказывал американской журналистке Мауре Рейнольдс (Maura Reynolds) один вернувшийся из Чечни российский солдат, — я не испытывал к ним никакой жалости. Они это заслужили. Я не слушал, когда они умоляли сохранить им жизнь, когда их жёны плакали и просили пощадить их мужей». Подобных свидетельств очень много», — пишет «The Wall Street Journal», заявляя: «Россия — враг». И ведь никто не вспомнит (до тех пор, пока такие воспоминания не станут выгодными) о том, с чего началась чеченская трагедия. С августа 1991 года, когда президент Ельцин отстранил от власти прокоммунистическое (и вполне мирное, вполне просвещённое и лояльное к Москве!) руководство кавказской республики, заменив их радикальными националистами во главе с генералом Дудаевым. Манипулируя эмоциями читателей, эти факты нужно опустить...

Телевизионный цикл Леонида Парфёнова «Намедни», в котором остроумно и легко, год за годом, проиллюстрирована история последних сорока лет XX века. И сам Парфёнов образца девяностых, и приглашённые в программу комментаторы во главе с Егором Гайдаром придерживались либеральной идеологии и были успешными героями российских девяностых. И всё-таки — во многом благодаря кинохронике и вкусу Парфёнова сквозь рассуждения об ошибках «застоя» утверждается впечатление: а девяностые-то, по сравнению с оплётанным «застоем» «имеют бледный вид». Нечего им предъявить истории, кроме войны компроматов, постоянных дрызг, путчей и терроризма. Кроме «мартовских свадеб» шоу-бизнеса, о которых пишет Холмогоров. И ведь у Парфёнова нет никакого пристрастия к советским временам, напротив, он познал славу именно в девяностые, чувствовал себя в этом времени как рыба в воде, но оказалось, что десятилетие Ельцина нечем крыть космические рекорды, промышленные достижения, да и культуру — что высокую, что массовую — недавнего прошлого. Нет сомнений: авторы цикла не собирались «разоблачать» девяностые. Просто в главном им удалось сохранить объективность, а хроника и статистика говорят сами за себя: невозможно Алексея Леонова, первым в истории вышедшего в открытый космос, превратить в героя девяностых годов. Вот Басаев, Мавроди, Баркашов, Кириенко — это самые



что ни на есть девяностые. И витающие над ними ухоженные лица культуртрегеров с телевидения (как будто с другой планеты!) — это тоже девяностые. Такое ощущение остаётся у зрителей «Намедни».

Хорошо бы недавно изданные диски с «Намедни» распространить по школам: отменное пособие по истории XX века! Можно спорить с концепцией, с комментариями — порой ехидными, порой неточными, но портрет времени получился, найдена форма подачи кинохроники, которая не отпугнёт, а заинтересует школьников. Ведь оформлен телецикл весьма современно и броско.

Требуется паток!

Жестокою реальность формирует жестокое искусство — как бескомпромиссное, так и тенденциозное. Сентиментальная меланхолия не просто вышла из моды — её вывели из употребления. Хотя спрос на сантименты высок в любом обществе. Тысячи страниц пишется о том, как перенасыщенное страстями и жестоким натурализмом кино толкает подростков на преступления, калечит психику. Особая проблема — компьютерные игры, в которых убийства легки и эффектны, а жизнь летит на запредельных скоростях.

Как будто кто-то поставил задачу: уничтожить как жанр, как класс панегирик, дифирамб, идиллию. А ведь жанры эти появлялись неспроста, а по органической необходимости. Человеку необходимы идеалы, пусть даже иллюзорные — и в личной, и в общественной жизни. А в едкой желчи скепсиса (ах, как он порой лестен самолюбию!) душа скукоживается. Чтобы обескрылить народ, его лишают героев, лишают основополагающих легенд, на которых произросли духовные устои. Шаг за шагом из нас вытравили героическое мироощущение, публикуя под эгидой правдоискательства компромат на национальных героев, на привычные картины истории Отечества. Таким публицистам во всякий чугунок плюнуть нужно.

Неприятным удивлением для многих стал публицистический задор историка Ю.Н. Афанасьева, опубликовавшего в популярном еженедельнике «Аргументы и факты» скептические рассуждения о симфонии: «В течение более двухсот лет церковь всячески способствовала укреплению царской власти, то есть власти Орды. Когда Орда пала и на Руси к власти пришли московские князья, то Церковь осталась». Думаю, стрела направлена в сегодняшний день, ведь всерьёз отрицать патриотическую роль церкви, которая в годы ига без паники, ярости и кичливости отстояла и русский язык, и народную культуру. Теперь же учёный утверждает, что историческая наука выше морали, а идеалы нашему обществу не нужны. Удивительно запальчивая попытка дегероизации! И как же они ненавидят правду предания, правду, которая формировала идеологию и духовную жизнь дюжины поколений. Что может быть выше такой правды? Неужели глумливый «взгляд из стульчака» (по остроумному выражению одного из правителей СССР)? Принизить значение Куликовской битвы,

перечеркнуть духовный подвиг Сергия Радонежского — что ещё можно сделать в угоду собственному желчному тщеславию? А может быть, не в досужем тщеславию дело, и дегероизаторы вполне осознанно пытаются «перезагрузить» историю страны на новых принципах, среди которых нет места «преданию старины глубокой», а по большому счёту, нет места Александру Невскому и Сергию Радонежскому, Пушкину и Суворову, Ломоносову и Петру Великому?.. Разумеется, о них не забудут, будут вести речь и с университетских кафедр, и в школьных классах, но уже не с восхищением, а с установкой на объективность, которая «по форме правильная, а по существу — издевательство».

Субъективное правдоискательство в учебниках истории уже вызвало несколько туров отчаянной полемики. Адаптировать школьную трактовку истории к постсоветским реалиям непросто. Повторять марксистскую схему сегодня невозможно, да и нет Советского Союза, который рассматривался в прежней программе как закономерный итог всей полуторатысячелетней истории народов СССР. Эксплуатировать диссидентские клише, которые создавались исключительно для борьбы с советской идеологией, тоже нельзя, если, конечно, мы не хотим приспособить их для борьбы с российским суверенитетом. Без оптимизма, без веры в страну (которая воспитывает в каждом из нас веру в себя без конфликта с обществом) школьной концепции исторического курса не изобрести. Нам не нравится, когда президент Эстонии заявляет: «Группа бандитов — нацистов — была изгнана другой шайкой — советскими войсками». А ведь дорогу этой бестактной трактовке дали мы сами, в том числе и в учебниках истории.

Но оптимизма трудно набраться, когда изящные искусства просто переполнены апокалиптическими настроениями. Одна из интереснейших литературных новинок последних двух лет — биография А.Н. Толстого, которую написал



талантливый Алексей Варламов. Книга А. Варламова об Алексее Толстом впечатляет добросовестной работой — это настоящий капитальный труд, в котором не потерялось и писательское дарование Варламова. У него нет цинизма, которым упивается наше время. Но есть одна неприятная для меня краска, объединившая православного Варламова с развязными постмодернистами. Может быть, это моя личная сентиментальность требует слащавой патетики, но, увы, не я один нахожу на родившийся скептический стиль безблагодатным. Все щели законопачены иронией и глубокомысленностью. Где восторг, восхищение? Остались в книге Аксакова о Тютчеве или Чуковского о Репине? Упаси Бог, я не требую от Варламова дежурного восторга, и, если бы не общая тенденция, разговора бы не было. Авторы на пьедесталах высокомерия боятся или не умеют показать слабость, да хоть мужские слёзы, которые постыдны, когда они от жалости к себе, и почтенны, если от восхищения или сочувствия. А ведь в русской литературе во все времена — с самой древности — так важна была высокая нота: «Восторг внезапный ум пленил!». То ли Варламов не позволяет себе такой «слабости», то ли это особенность темперамента, но... сантиментов в биографии Толстого не больше, чем в книгах Сорокина. Чувствую в прозе Варламова отзвук высокомерия, как едва уловимую коротковолновую частоту — и вспоминается, как несколько лет назад за подписью этого писателя вышла газетная колонка, от которой в праздничный день стало грустно. Тогда он высказался с болью о погибших, но и с непримиримым презрением к идеологии военного времени. Думаю, такая позиция ранит, огорчает, озадачивает и павших, и живых героев войны. Только пророки могут позволить себе говорить *urbi et orbi*, не задумываясь о душевном такте — у них своя, невидимая миру, логика и, соответственно, особенная этика. Наверное, мы отстали от жизни и пора привыкать, что пророка теперь встретишь чаще, чем обыкновенного литератора или исследователя.

Стиль времени — властная сила. И он навязывает интеллигенции иронию, отрицающую проявления простодушия. Эта тенденция то и дело проявляется и в гуманитарных школьных учебниках — как легко историкам и словесникам скатиться в сектантское самолюбование!

А я, признаться, люблю идиллию, дифирамб, панегирик. Когда исчезает вид живой природы, это всегда печально, всегда чревато неожиданными неприятными последствиями. Это касается и культуры, и идеологии. И очень хочется сладкой патоки, когда повара от культуры готовят только переперчённые блюда. Организму нужна глюкоза! Вспомним Ушинского: сколько в его учебных книгах было того, что едкий критик мог бы назвать «слащавым сахаринном»? Педагог считал умиление хорошим фоном для восприятия уроков — и умело вызывал его у школьников. А воспитание скепсиса бессмысленно: и так каждому учителю приходится сталкиваться с подростковым скептицизмом. Да, его нужно уважать, нередко он сопутствует бурному развитию способностей, и оглушивать самоутверждающихся подростков глубиной коллективизма не следует. Но в учебном порядке провоцировать всплески снобизма нельзя. А утверждение точки зрения Юрия Афанасьева в учебниках истории и менторского (свысока), взгляда на литературу — это и есть воспитание снобизма. Для нынешнего поколения школьников-индивидуалистов лишняя порция снобизма может стать губельной.

Под прессом расхожих идей формируются клишированные люди-функции, которым не слишком нужен воздух культуры. Нас агитируют и будут агитировать. Сегодня агитаторы стали изобретательнее, навязчивее, наконец, богаче материально. Они будут перекрашиваться на глазах почтеннейшей публики — в зависимости от конъюнктуры. Такая уж у них работа — мы вправе её уважать или презирать. Но шишки нам предстоит набивать на собственных лбах — и тогда никто не сделает скидок на информационный прессинг. **НО**

